

ЛЮДМИЛА
ПЕТРУШЕВСКАЯ

НАС УКРАЛИ.
ИСТОРИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Людмила Петрушевская

**Нас украли. История
преступлений**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Петрушевская Л. С.

Нас украли. История преступлений / Л. С. Петрушевская —
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-090046-6

Роман «Нас украли. История преступлений» — это детектив нового поколения. В нем не действуют честные, умные следователи, класс, практически исчезнувший у нас. Это та история, в которой жертвы не хотят расследования, и тому есть причина. А вот что это за причина, читатели сами поймут к концу романа: ведь в каждом из нас сидит следователь, благородный, умный, не берущий взятку, стремящийся к истине и понимающий, что на свете есть такая странная вещь, как любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090046-6

© Петрушевская Л. С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

1. XXI век. Отъезд мальчиков	6
2. XX век. – то напишут историки	7
3. XXI век. Приезд в Монтегаско	8
4. XX–XXI век. История Коли	11
5. Кустодиев	17
6. История Маши и Сергея Серцова	26
8. История рождения Маши	33
9. Любовь Маши	35
10. История Алины	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Людмила Петрушевская

Нас украли. История преступлений

В оформлении обложки использована репродукция картины *Александры Шадринной*
Художественное оформление *Алексея Дурасова*

Издание осуществлено при содействии литературного агентства Vanke, Goumen & Smirnova

© Петрушевская Л., текст, 2017

© Шадринна А., иллюстрация, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

1. XXI век. Отъезд мальчиков

Мать отвезла ребят в аэропорт.

– Так, Сереж, смотри за Осей, чтобы ничего не потерял. Ося, очнись, бери рюкзак. Вот ваши паспорта и билеты. Сразу мне звоните, как прилетите. Каждый день контрольный звонок, утром, как проснетесь, и вечером. Чтобы я не сходила с ума. Сережа, проследи. Каждый из вас отдельно мне звоните. Если не сможете позвонить, мало ли что, я обращаюсь в посольство.

– Мамашо! Может, хватит? В посольство еще. Маленькие, что ли? Что, в первый раз?

– Мы не знаем, к кому вы едете. Ося, ты куда опять?

– На регистрацию. Опаздываем же.

– Сейчас пойдете. Там в очереди я не смогу с вами поговорить.

– А, за нами следят?

– Не исключено.

– Мам! Начинается детектив?

– Оська, нет, это мыльная опера. Пропавшие дети-двойники! Ма, все, мы опаздываем.

– Серёж, не шути. Я повторяю, мы не знаем, к кому вы едете.

– К отцу, к кому.

– Ладно. Значит так, вы мне звоните каждый по отдельности, запомнили? Утром и вечером. Контрольное слово на прощанье – цэ.

– Цэ.

– Цэ.

– И никому о нем не говорите.

2. XX век. – то напишут историки

Бешеные девяностые, изволите ли видеть. Когда в океанах пропадали русские корабли с цветным металлом, застрахованные у Ллойда, когда уходили в офшоры миллиарды, допустим, профсоюзных накоплений – а это проданные учебные заведения, заводы, особняки управленческого аппарата, медсанчасти, санатории, больницы, детские сады, ясли и курсы, затем здания партийных и комсомольских организаций, когда целые дворцы стиля модерн и стиля ампир в Москве, принадлежавшие, по традиции, райкомам и горкомам, были продаваемы за ничто буквально... Когда опустевшие заводы падали в руки скупщиков пустых бумажек, называемых ваучерами. Когда к владельцу миллиардного дела могли прийти с предложением все отдать, а в ответ на категорический отказ тем же летом, в дачный сезон, в водохранилище, где на бережку стояла громадная дача владельца, было запущено двое водозлазов. Телохранители жарили шашлыки, поглядывая на хозяина, который пошел сполоснуться от жары. И утонул владелец в секунду. За ножки утянутый.

Ну да ладно, об этом еще напишут историки.

3. XXI век. Приезд в Монтегаско

Два парня с рюкзаками, перешучиваясь, сели в самолет Москва – Монтегаско.

А на дворе уже, между прочим, стояло первое десятилетие двадцать первого века.

Два красавца-брюнета с классическими профилями витязей в тигровой шкуре, по поводу которых профилями патрульные менты в Москве щелкали клювами вслед, но проверять паспорта почему-то не стремились: кому охота нарываться на иностранцев. Макароны, похоже. Тем более что спины слишком прямые, и хоть плечи как у качков, но ноги длинноваты для люберецких и солнцевских молодых шестерок при банде. И оскал, гля, как на рекламе. Зубы другие. Не наши, короче.

Ну их.

Единственно что: Галя, которая работала в тот день на стойке регистрации в аэропорту Шереметьево-2, посмотревши второй паспорт кряду, что-то заморгала: два подряд одинаковых паспорта у ребят... Имя и фамилия полностью совпадают, даже дата рождения один в один. Близнецы? Но имена же тоже одинаковые. Так не бывает в реале! И чё теперь делать?

Да ладно. Не твоя была компетенция, компен...тенция, скажут в особом отделе, зря подняла хипеж, задержка самолета влетит тебе в увольнение по статье. Фотографии-то разные. Непохожи парни.

Так что ребята беспрепятственно сели в самолет, провели в нем положенное время и вышли в зарубежном аэропорту Монтегаско.

Где стоял и ждал их в ряду встречающих водитель дядя Коля с бумажкой «Серцов Сергей».

К нему подошли два парня кавказской национальности.

Они подошли, надсмеиваясь над кем-то, тихо так друг другу. Он понял. Увидели его. Замолчали.

– Вы ждете Сергея Сергеевича Серцова? – так спросил один.

Второй опять заржал.

– Вот мы и есть он, – опять тот, первый, объяснил.

Пересмеивались.

Как будто их встречали для розыгрыша. Несерьезно отнеслись.

Ни здравствуй, ни прощай. Здесь даже в лифте в гостинице здороваются, когда гости к хозяину приезжают, их сам Коля там размещает.

Сам Коля уже привык к вежливости.

Все тут друг другу улыбаются на всякий случай, в глаза не заглядывай, не поймут.

Пялиться нельзя.

Но эти на него не смотрят, только друг на друга.

Коля спросил:

– А кто Сергей Сергеевич Серцов?

– Оба.

Как припечатал этот.

Опять заржали.

Шутки приехали сочинять тут.

– Попрошу тогда паспорта, – неожиданно для себя сказал Коля. Ну ведь он же отвечал за встречу сына! Не двух!

Они предъявили.

В паспортах все совпадало, кроме номеров.

Делать нечего, пришлось везти их в «Бентли».

Они вертели бошками, опять пересмеивались (он посматривал на них в зеркало заднего вида), и ничего похожего на хозяина в них не было.

Точно, лица кавказской национальности. Чернявые, носатые.

И друг на друга не похожи.

Что-то бормотали. Ржали по-тихому.

Он вез их по тем местам, где жили одни миллиардеры.

Стены, деревья, дома.

Виллы вообще-то! За заборами, за парками.

Как у нас, увидите.

– Дом Валдиса Вемберса, – сказал Коля.

Оба скрючили рожи. Небось и не знают, кто это такой.

– Теннисист, – пояснил Коля. – Пятнадцатая ракетка мира.

Они, как дебилы, вытараскали глаза. Челюсти отвесили.

Удивились.

И опять заржали.

– Взял третье место в Уимблдоне и Опен Австралии.

– Не может быть, – сказал один.

Второй заморгал и рот дудочкой сложил.

Дебилы.

Московская шпана, решил водитель.

Темнота, ничего не знают, что в Европе тут здесь происходит.

Водитель всем гостям хозяина всегда указывал на дом Вемберса, чтобы они знали, что едут к тому, кто рядом с Вемберсом живет.

– Они с гёлфренд на «Феррари» ездют, – пояснил водитель.

Эти клоуны оба стали перемигиваться, челюсти свесив.

Тут Николай отвлекся и сказал:

– А вот здесь банкир живет, миллиардер. С десятью женами, все в паранджах ездют в ювелирный.

Сказал и даже не стал смотреть в зеркальце, что они там еще вытворяют на заднем сиденье, какие рожи состроили и как руками похлопали.

Водитель при въезде щелкнул пукалкой, открывши ворота, и повез их по аллее к хозяйской вилле, проехал мимо своей так называемой сторожки (дверь закрыта, жена, видно, занята либо в саду, либо на вилле у хозяина).

Сторожка-то сторожка, отметил про себя дядя Коля, но два почти что этажа.

Да и наверху Коля сделал что-то вроде мансарды.

Обделал стены листами двп, чтобы дочке Анджелке было где играть.

Получилось как посылочный ящик, жена сказала, везде фанера.

Сама тогда обделывай.

Хозяин ждет сына, а тут (водитель про себя матюгнулся) двое прилетели, аферисты.

У него близнецов не было, да еще с одинаковым именем!

Хозяин волнуется, это понятно, но еще вообще не подозревает, какой ему финт устраивают.

Эти два брата-акробата.

Потом Николай успокоился.

Он знал батяню Серцова.

Ничего, он это дело быстро разрулит.

И не с такими справлялся.

Водитель Николай не переставал гордиться своим хозяином.

Когда-то Коля возил его, еще при советской власти, но не всегда. Две машины было на весь отдел. Коля возил шефа, а нынешний хозяин тогда был шестеркой, и ему не часто выпадало ездить на черной «Волге».

Возил-возил Коля тогда шефа, а потом нынешний хозяин сообразил что почём, вошел в совет народных депутатов и взял с собой Колю. Пошла хорошая жизнь, заказы, ваучеры, началась перестройка-перестрелка, хозяин что-то там присвоил в особо крупных размерах, три завода, что ли, и два судна с ломом меди, которые затонули у берегов Нигерии, а были застрахованы в солидной фирме, лойт называется. Хозяин тоже затонул, короче, смылся из Рашки, пока делу еще не дали ходу следователи, их двое по телевизору выступали и на митингах, два клоуна.

И хозяин правильно сделал.

4. XX–XXI век. История Коли

Вот когда Коля, оставшись без работы, вернулся к родителям в Тульскую область, то как раз отец с матерью взяли триста га, как бы фермерское хозяйство.

Но телятник и гараж со всей техникой им сожгли, ясно кто, мужики из соседней деревни, потому что отец арендовал их поля.

На этой земле давно было не пахано, не сеяно, все зарастало осиной, но местным стало обидно.

Отец туда в деревню ходил, приглашал вставать на работу, обещал хорошие деньги. Они не пошли.

Они считали, что он им предлагает мало, и все интересовались, а сколь платят в Москве. Ага, сколь в Москве платят за работу в арбатском телятнике.

Да что взять с алкашей.

Отец нанял беженцев из Киргизии, они вообще были бездомные, русские, ждали нашего гражданства. Отец им купил три нежилые избы.

Они только начали устраиваться, а трое мужиков пришли к ним с косами и сказали, что всех порежут и сожгут, это не ваша, а ихова земля.

А всего-то дело было копеечное, эти мужики, как потом бабка одна сказала, на усадьбах тех заброшенных изб себе чужую траву косили.

Всего-то за стог сена погнали людей.

А потом и телятник отцу сожгли и весь хоздвор с техникой.

Ну не выносит народ тех, кто зарабатывает больше.

Ну что, Коля и его родители бежали.

Колхозники сулились и дом отца сжечь. Хотя они-то жили тут испокон веков, отец построился рядом с дедовой избой на его усадьбе.

Еще старики оба жили в этом доме. Нас на лето всегда туда возили, вспомнил Николай со злостью.

И мы там коренные!

Ну все просто: две деревни, наша и та, завсегда воевали.

Когда-то те проиграли нашим в карты цельное поле. Ну не они сами, а еще ихний барин. И забыть это те не могли.

Ну и парни сходились во время танцев стенка на стенку около клуба.

На Ильин день всегда кого-нибудь из наших в лесу резали. Ильин день – это наш был храмовый праздник, всегда справляли в своем лесу, в Кленах. И те бродили вокруг.

На ребят нападали исподтишка, выскакивали на тропинки.

Девушка наша одна повесилась. Потом парни от нас пошли туда убивать кого попало и жечь их избы.

Ну, пришлось бежать, поехал Коля с отцом и мамой в Москву к материнной сестре, а она работала в управлении высотного дома и взяла мать к себе диспетчером.

Дали комнату в общежитии, в подвале, вместе с молдавскими и украинскими дворниками.

К ним вообще семьи приехали, еще того лучше.

В кухне было не протолкнуться.

Потом мать быстро поняла что почем, у ее сестры недаром все было схвачено, она помогла, и мама стала сама работать начальником ЖЭКа в новом районе.

Отца они устроили в гараж на руководящую работу, дали пока что служебную однушку на первом этаже, но кухня там была двенадцать метров, Коля себе поставил на этой кухне тахту, кто-то совсем новую вынес к подъезду в районе Патриарших, Коля как раз мимо ехал

на отцовской «Газели» – переезжали, что ли, и не поместилось, или кто-то умер, мать сомневалась.

Коля, походив на дискотеки и пообщавшись с московскими девками, скис. Девки быстро все узнавали («Ты с Москвы? С Москвы. А в Москве откуда?»), допытывались, что у него ни кола ни двора, работает в гараже и прописка деревенская.

И никто с ним не шел посидеть в Макдональдсе.

На Новый год Николай решил съездить к деду и от нечего делать 31 декабря поехал в большой поселок городского типа на дискотеку.

Не сидеть же с дедушкой, слушать все те же байки про войну.

Дед когда выпьет, начинается.

Не хотел вспоминать, никогда не вспоминал, потому что нельзя, но тут само собой приходит, старые друзья с того света являются как живые.

На том дискотеке Коля познакомился с двумя подругами, поехали на Колиной «Газели» к ним домой, оказалось, рядом, а туда за ними вперлась в «Газель» еще одна девка, толстая, с дискотеки, такая оторва, сразу было видно. Вскочила чуть ли не на ходу в кабину.

Те прямо заматерились.

Пришли к ним в дом, и она прямо сразу села Коле на колени, стала его целовать, тереть где ни попадя.

Девки изображали, что первый раз такую видят, стали гнать.

Ну и Коля отвез ее до дома, она пригласила, а у нее там никого не было, мать ее, она сказала, уехала к родне до послезавтра.

Девушка была веселая, простая, не строила из себя ничего, как эти московские.

Сказала:

– Не одна я в поле кувыркалася.

– Чё? – спросил, пыхтя, Николай.

– Ничё, плюнь через плечо, – ответила девушка, которая поддалась Николаю, ни о чем не спрашивая.

И еще пошутила:

– ...ать подано. Цыпленок табака.

То есть плевать на все хотела.

Говорила одним матом.

Ну и Коля был под банкой, себя не сдерживал, оторвался за долгое время по полной.

Девушка тоже не возражала, видно, было ей не впервой. Похоже, что кому-то мстила.

А вот Николаю она полностью подошла. Хорошая девка оказалась, даже красивая – потом, когда он ее разглядел на диване.

Она после всего лежала раздетая. Все с себя скинула на пол.

Он даже спросил:

– Тебя как зовут, красотка?

– Забыл?

Ответила полным именем, с отчеством, и насчет своего возраста прибавила: семнадцати еще нету. То есть девятиклассница.

Вот тебе и на.

А по виду лет двадцать. Потому что толстая.

За такую и посадить могут. Это называется «указница».

Все деревенские ребята были в курсе и опасались, что родители девочек будут мстить и заставят жениться.

А все девочки летом в деревне (из города приезжали к родне на лето) над этим словом смеялись. Замуж ни одна не хотела.

А вообще в деревне зимой одни старухи оставались. Старики почти все поумирали, кто от чего. Только Колин дед еще держался.

Когда прощались с новой девушкой, он сам помогал ей одеться, застегивал там на спине, и она попросила его номер телефона.

И в феврале позвонила, что беременна. А семнадцать ей только будет в апреле.

Коля испугался, как так. А она сказала, что ты ведь ничем не пользовался. Никак не поберег меня. А я была девушка.

– Как ты была девушка?

– А вот так.

– Я не заметил ничего.

– А я скрыла. Мне было стыдно, что я девочка. Шестнадцать лет, а никого не было еще. Подруги бы меня обсмеяли. А я все знала уже. Я смотрела видеокассеты.

– Какие?

– Порнокассеты, вот.

– Ну ты даешь, – поразился Николай.

– Да, и я тебя еще на дискотеке наметила. Ты же со мной танцевал, помнишь?

– Нет!

– Пьяный был. Мы в одном кругу отрывались всю дорогу. И я за тобой пошла, увидела, что тебя уводят. Я их знаю. Групповой секс. Еще позовут ребят. Я за тобой специально пошла к соседке, поняла, кто они и куда твою «Газель» направляют, они взрослые девки были, из Тулы приехали к ней, племянницы. Да им по двадцать лет уже, больше. Не в первый раз их видела у нас в поселке. И тогда я впрыгнула в твою «Газель» тоже. Они такие рожи соорзили, матерились, меня спихивали, щипали! Но я не испугалась, доехала, тоже села за их стол, как будто ты мой парень. Они же не в курсе, кто тут с кем. Сразу стала целоваться с тобой. И все делала под столом. И потом оделась и тебя повела. И они обалдели, что ты уходишь.

– Ну ты подумай, – удивился как дурак Николай.

– Но это ты же мне сказал: «Пошли к тебе». Ты!

– Не помню, – ошарашенно отвечал по телефону Николай, будущий отец ни с того ни с сего.

– Ты на это шел. И что думаешь, я в десятом классе пойду чиститься? Чтобы на всю жизнь остаться калеккой? И убивать своего ребенка?

Коля поехал ее уговаривать, а дома оказалась ее злющая мать, которая сразу сказала, что его посадит.

И у них были данные его паспорта, как это так.

А вот так.

В случае чего, ребенок родится, в Туле делают анализ, кто отец.

Быстро все завертелось, ее мать была продавщицей в промтоварном, у них было все то, что необходимо для свадьбы, и посуда сервиз немецкий, и всю выпивку теща купила, а закуски Николай организовал через тетку, она взяла заказ, и дед дал из своих бочек, он всегда заготавливал капусту, моченые яблоки, огурцы, и картошки выделил мешок.

Поженились.

Родители одобрили, что он взял свою, тульскую.

Коля нашел работу в Москве, снял однушку. Галина устроилась в ясли нянечкой, хоть была беременная на четвертом месяце.

Но она и так была полная, никто ничего не заметил до седьмого месяца, а там уже можно было уходить в декретный отпуск.

Галя легла на сохраниловку в роддом, какие-то были плохие анализы.

Потом родилась Анджелка, родилась не в срок, раньше, и Гале теперь должны были оплатить по декрету меньше, чем полагалось.

Галина плакала в роддоме, переживала. Вес у Анджелки был меньше нормы, но так многие сейчас рожают, худых, сказала врач Коле, когда он пошел узнавать, почему так и зачем Галю взяли почему-то на обследование на кресло, это на девятом месяце, врач из Химок орудовала ложкой, и сразу ночью пошли воды.

Врач сказала, что это было плановое обследование, мало ли что можно было ожидать при родах.

Все. Но это быстро забылось, потому что, когда Галина с Анджелкой и Коля уже жили месяц у себя в однушке, мама Коли получила трехкомнатную служебную квартиру.

И тут родители их пригласили к себе жить с Анджелкой!

Коля был рад, колбасился, все покупал-устанавливал, доводил квартиру до ума, дали же голые стены!

Привез кафель со стройки, купил у таджиков, все обделал сам, купил кухню, не новую, но в хорошем состоянии.

Началась жизнь, Анджелка уже бегала по квартире куда хотела, Галина не работала, сидела с ней.

Купили себе раскладную кровать и спали втроем с Анджелой, детскую кроватку пока не приобрели. С деньгами было туго.

И вдруг в один прекрасный день мать вошла к ним на ночь глядя без стука, черная как туча, и сказала: «Выезжайте, все».

Что? Как? Коля ни-х не понял.

Галина, которая после родов сидела на диете, пила кефир и ела гречку, все хотела похудеть, рассказала, что мать Коли с ней круто поговорила.

Что якобы Галина съела что-то не свое из холодильника.

Да Галина скорее бы удавилась, чем сожрала ихово. Коля ее знал.

Жена сама была крутая.

Она ответила его маме как полагается, матерком да с ветерком. Мама тоже в долгу не осталась.

Тульские бабы, они шутить не любят.

Галина еще потом добавила, что Ирина Ивановна ее конкретно достала, давно уже жаловаться не хотелось.

Типа что Анджелка не ваша.

И типа что я тебя обманула, то что мне было шестнадцать. Да, после дискотеки обманула, мне уже было вообще двадцать, и я работала у матери в магазине уборщицей. Что я, буду твоей маме рассказывать, то что я тебя обманула? А ты бы вообще не женился на старше себя и на уборщице, да еще я толстая. А я уборщицей пошла к матери, потому что мы знали, она скоро умрет, я ей помогала, ее грузчики обманывали. А места продавщицы не было. После мамы я бы сама стала заведомом, я же кончила ПТУ, у меня среднее образование. На дискотеке ты мне понравился, ты был совсем другой, не такой, как наши поселковые, и я захотела от тебя ребенка, я поэтому пошла к тебе в машину с теми девками. И придумала, наговорила тебе, то что мне шестнадцать лет, а когда ты заснул, я списала данные твоего паспорта. И [взяла у тебя номер телефона] вот когда я узнала, что беременна, то решила, что буду за тебя бороться. А когда мы подавали заявление в ЗАГС, ты же не видел, что я там писала, какой год рождения. Мне надо было сохранить семью, моя мать вообще плакала и хотела, чтобы я сделала аборт, и она собралась тебе киллера нанять. Пятьсот долларов, да и за сто бы пошли, такие отморозки есть. Пусть твоя мама меня осуждает, но Анджелка твоя доченька. Я толстая, старше тебя. Я уборщица. Я уеду, пусть.

Коля сидел на тахте как стукнутый по голове. Опять искать квартиру! А денег нет!

Коля очень любил своих родителей. Особенно маму.

И он теперь понял их с отцом, там еще старшая сестра тоже выступала против Галины. Но Галина его жена, Анджелка его дочка, он к ним привык. Дочку он растил с шести дней ее жизни.

Галина же смотрела на него злорадно, вся зареванная. Как будто доказала что-то.

И она уехала к своей матери в поселок. Все личные вещи забрала.

Он отвозил ее, Галина молчала. Обиделась типа.

Хорошо еще уже был апрель, ну, как бы поехала жена с ребенком на дачу.

А он продолжал жить у родителей, только на выходные мотался к семье. Ни слова не сказал маме и тем более отцу.

Они тоже молчали и не спрашивали о внучке. О родной внучке!

О как жизнь повернулась, что все стали врагами.

Галина обиделась, что он не поехал жить с ней.

А где там в деревне найдешь работу?

Это похорониться заживо в чужом поселке, да у нее еще брат пьющий и кулаками машет, как она говорила. Даже приезжает с Тулы на разборки.

За лето Коля прикопил какие-то деньги, чтобы снять однушку.

С осени бы переехали. Но Галина его к себе не допускала. Он приезжал и спал на полу.

Вся жизнь была разрушена!

И в этот самый момент ему и был дан сигнал от Серцова Сергея Ивановича, от бывшего хозяина.

Как-то по своим каналам нашли его номер телефона, и незнакомый мужик прозвонился и сказал, что самому Серцову нужен водитель и помощник в одном государстве, адрес скрыт.

«Спасибо, – отвечал Коля, он уже был не в себе, ничего не понимал, – у меня теперь жена и дочка, и я один не смогу, наверно».

Сказал «наверное», потому что не знал, как все будет у них с Галиной.

А вдруг она уже себе кого-то нашла в поселке? Своего прежнего? Был же у нее кто-то до Коли.

Анджелка и правда совсем на отца не похожа.

Оба они с Галиной русые, а девчонка черненькая и кучерявая.

Мать ведь на то же намекала. Наверно, это и было причиной всех дел.

А Серцов не знал о его нынешней жизни. Думал, что он вольный казак, как раньше. Но Коля был теперь невыездной. Он даже и представить себе не мог, что отъедет на заработки в такой момент.

Галина – единственное, что у Коли есть свое. У матери еще дочка любимая, Вовина сестра, с высшим образованием, с квартирой, богатая.

А Коля, что Коля, это сын, он еле восьмилетку окончил на троечки.

Колю они всегда держали за отстающего.

– Перезвоню, – сказал тот мужик по телефону, и точно, перезвонил:

– Диктуй их данные все. Паспорт жены и ребенка. Вам пришлют по адресу приглашения. Условия там неплохие для семьи, есть отдельная сторожка на территории.

Эта сторожка оказалась двухкомнатным домом в парке!

Жена стала помогать садовнику, теперь она была довольна, все в их жизни поменялось.

Пригодилась ее память о детстве, когда мать заставляла ее пахать на участке, чего Галина терпеть не любила.

Галина молодец, освоила газонокосилку, он только ей разок показал, и все.

И даже сама успела, посадила свои, тульские, цветы. Перед их сторожкой.

Из поселка мать ей прислала семена, Галина к весне вырастила рассаду.

Тут, в Монтегаско, никто в глаза не видел ни табаков душистых, ни флоксов, ни астр, ни гладиолусов, ни георгин. Вообще в этой деревне не знали о них. И о золотых шарах!

Хозяин, сам возросший у поселковой бабушки, он тут же сказал, что в доме у нее был палисадник, и он теперь гордился своим необычным цветником.

Коренным русским – тут, где вообще одни газоны.

Сиживал там в качалке под тентом.

Хозяйка же прикалывалась над таким садом-огородом.

Галина ведь и огурчики вырастила, и помидорчики, и укроп с кинзой! Тут жара, полей – все выскочит.

Хозяин любил у них с огородика схрумкать без нитратов и пестицидов. Не сравнить с магазинным!

И про запас Галина насолила, замариновала покупное, выращенного было немного, только на салат. Что там земли, с носовой платок.

Хозяйка следующей зимой подумала, угостилась из Галиных разносолов кабачками и баклажанами, да и отвела ей место для огородика на задах.

И Галина как-то в ночную минуту сказала Коле, ты не думай, Анджелка твоя доченька, у нее и пальчики вылитые твои, длинные и загибонистые, и ногти как у тебя, красивые, мои-то пальцы, посмотри, они другие, деревенские.

Просто у меня отец был кучерявый и черный, видно, бабуку румын повстречал, мало ли, у них в поселке во время оккупации румыны стояли. Отец родился после них. Дед с войны не вернулся, а то бы он погнал их с цыганенком, так в деревне баяли.

Она его родила не в срок, а позже.

И мать оттуда ушла с пацаном, завербовалась на стройку на Шатурторф. А его отдала в детский дом на время. Во хлебнула! А все из-за этой масти.

И отец цыганский меня тоже своей дочкой не считал, я же белая, сказала Галина и вдруг заплакала. Отсюда все мое проклятие. Все, что со мной было.

Она умная, все поняла, что мать Коли про нее говорила.

И что Коля не раз слышал.

– Бывает, ладно, проехали, – сказал Коля и поцеловал ее пухлые короткие пальчики. – Раз вы у меня две румынки, съездим туда как-нибудь. Тут все рядом. Когда хозяина не будет и хозяйки.

5. Кустодиев

Галина, жена водителя Коли, кличка «Кустодиев», оказавшись в одночасье за границей, могла выбрать из двух одно: остаться красоткой типа миссис Россия с габаритами 98-60-98, где первая цифра означает вес, вторая – объем ноги в районе капители, если воспринимать ногу как колонну, а третья – объем талии.

Или, второй вариант, Галине пришлось бы стать как весь местный женский обслуживающий персонал, все эти украинки, тайки, польки и девушки «с Москвы».

То есть иссушиться в воблу, потемнеть лицом и научиться лыбиться в ответ на любой взгляд. Именно вежливо лыбиться, не усмехаться.

Причем все эти бабы говорили по-монтегадски, как-то намастырились. И по-английски тоже.

Кустодиев была к языкам неспособна еще со школы.

Учительница немецкого натягивала ей тройку за то, что мать Галины пускала училку куда не полагалось, в подсобку промтоварного отдела.

Мать была продавцом.

Галина тоже еще со школы знала, что будет продавцом и именно промтоваров, и подругам доставала через мать что надо.

И не бесплатно. Зарабатывала себе на косметику.

У них в доме в поселке все было, обои «Шаляпин», мебель румынская белая Людовик Четырнадцатый, люстра чешская «Каскад», сервизы, телевизор «Рубин», брату Юрке и дочке мать покупала все импортное, только с Галиной были проблемы, она была девочка полная, ее размеров за граница не поставляла.

Ей мать покупала короткие сапожки (а то те, длинные, не налезали выше костяшек) и трикотаж, но Галина его не носила, все в обтяг.

Отец раньше был водителем, но из-за пьянки у него отобрали права, и он летом работал на лодочной станции, а зимой сидел дома.

Отец от нечего делать пил и бил маму, когда она ему не давала денег, а один раз он положил Юрку шестилетнего головой на тубаретку, держа в руке топор, и стал кричать, отрублю голову, если опять не дашь денег, все одно подыхать. Мать кричала, матом тебя прошу, отпусти его, ты за себя не отвечаешь.

Но он махал топором у пацана над головой и Юрку прижимал за плечи к тубаретке.

Мать заплакала и дала денег, Юрка потом орал во сне как зарезанный, когда его уложили спать.

Когда отец убежал, мама топор спрятала себе под матрас.

А когда отец обратно ввалился пьяный и заснул на тахте в кухне как есть, обоссанный, мать побудила Галину, и они скрутили отца простынями.

Он очнулся рано утром, начал орать и ругаться, развяжите.

А то всех вас с Галькой убью, и чтобы дали опохмелиться.

И тогда мать над ним встала с этим же топором и сказала: «Сейчас буду тебя казнить к высшей мере».

Он еще больше стал ругаться, бился прямо как рыба, но мать на него села, а потом сказала: «Казню тебя за Юрку и за Галю, сука, за то, что ты с ней вытворял», он все понял и начал кричать «я ничего с ней не делал, она сама жопой вертела, нарывалась» и «помогите» таким тонким голосом.

Юрка проснулся и в дверях кухни стоял, никто не заметил, мало ему было того приключения с топором, опять он топор увидел, только теперь в руке у матери.

А она Юрку заметила, велела Галине его увести подальше и потом послала ее за полотенцем, а отец все пищал, и тут мать накрыла отцу голову полотенцем, топор положила, взяла в руку валенок и ударила спеленутого отца по шее со всей силы.

Он сразу замолк, как подавился, а когда мать сняла с него полотенце, то оказалось, что он даже не дышит.

Размотали, мать вызвала скорую. Плакала. И Галина плакала.

Следы какие-то остались от скрученных простыней, но врач даже не стала смотреть его под одеялом, побрезговала, запах стоял блевотины и еще много от чего. Отец часто ходил под себя.

Но ничего маме не было, остановка сердца больного в состоянии алкогольного опьянения, а после вскрытия у него еще нашли цирроз печени в последней стадии.

Мать спросила, сколько бы он протянул, врачаха засомневалась, такие иногда и год живут и дольше.

Да ладно, мучений вам на голову, скажите спасибо.

Галина ведь матери не говорила, что над ней отец делал. Он повторял, убью мать, если скажешь. Ты мне не дочь, мать твоя б...

Галина была полная девочка, красивая. Часами не мог кончить, скотина.

А Галине надо было бежать в садик за Юрой к семи, мать приходила только в девять.

До сих пор Галина не выносила запаха курящего и пьющего мужчины, всего этого что из него прет.

Ничего у нее не получалось с мужем, не ее вина.

Дочку родила. Но муж пил пиво под выходной и курил, не скажешь ведь ему.

Дочь Анджелка была единственным счастьем и большой гордостью Галины, девка в шесть лет пошла тут в местную школу и сразу заболтала по-ихнему. Худая девочка, кудри черненькие, прямо как местная, и длинноногая, и уже сейчас видно, что будет красotka.

Муж Коля хороший как телок, и Галину любит. И каждую ночь трудится, пыхтит. А толку-то.

Галина, однако, опасалась всего на свете и Анджелку с ним не оставляла.

Но она начала замечать, что девка стесняется, когда мать за ней приходит в школу и не может сказать ни бэ ни мэ.

И Анджелка ей как бы переводит, например, что завтра надо прийти пораньше, не как сегодня.

Тогда Галина сделала что: устроилась в подсобку местного супермаркета на утреннее время, с девяти до двенадцати.

Дома было не выучить язык, ни хозяйин, ни Коля на монтегадском не говорили.

Причем хозяйка, сама как жердь, она-то все языки знала, но Галину терпеть не выносила, называла ее «Ты вообще Кустодиев» со смехом и кивала на книжную полку. Галина специально полезла туда, не поленилась, увидела книгу «Кустодиев».

Вся дрожа, стала рассматривать картинки. Да, там на одной было похоже.

Галина потом нарочно принесла полуторный диван в ванную и разделась, а сама пустила воду, как будто моет-скребет. И села без ничего. Да их и дома не было никого. Там вделанное зеркало хозяйка заказала во всю стену.

Не, Кустодиева тетя на картине была хуже Галины. Лицо у Галины лучше, рот лучше, и все красивее.

Та тетка старая, лет тридцати. У Галины все было крепкое, груди и живот, и талия тоньше.

Галина ведь недаром пахала в саду и в огороде, кланялась от души.

В резиновых перчатках и комбинезоне. По телевизору тут таких показывали. Типа они ездют и пашут на маленьких таких комбайнах.

Галина отродясь не терпела работать на огороде и в саду, но мать заставляла, и правильно делала, тут это пригодилось и вообще было как зарядка.

На уроках физры в их школке она типа стеснялась, ребята из класса над ней ржали открыто, как она прыгает через планку. Корова, говорили.

И где они сейчас, парни из класса? Кто на зоне, кто спился, а эти типа кто бизнесмены, они ларьки держат подержанных запчастей, эти сейчас сами как бабы, пузатые и с сиськами.

Русские красавцы, Кустодиев.

Значит так, Галина встала тут на работу в супермаркет и сразу себя показала, кто есть ху, как говорит хозяин, Сергей Иванович.

Ящик с бутылками сама вынесла из фуры и в подсобку.

Они пока кару подгоняли, уже все. Смеялись, хлопали по плечу.

Кто её устроил туда, то это была одна женщина, Галина с ней познакомилась как раз в супермаркете, та загружала пакеты на полку, они рассыпались, баба заматерилась, Галина помогла.

Свой человек оказалась женщина, с Перми.

Они потом часто разговаривали. Делились опытом.

Землячка эта, Римма, как-то со смехом рассказала о своем прежнем хозяине, пожилом англичанине, который поехал в Москву, уже хотел жениться в свои шестьдесят лет, а услышал по телику, что в Москве одни красавицы, и там познакомился с девушкой Нелей, которая сама была с города Фрунзе и подрабатывала няней.

Как познакомился – Неля сама ей рассказывала: Джон был в гостях у тех людей, у которых Неля работала, и ее тоже позвали к столу, Неля же свой человек в доме и учит английский, она сидела и все слышала, что завтра он будет пить чай в отеле «Националь» в пять вечера, и если кто захочет составить ему компанию, то милости просим.

Хозяин тут же перевел это жене, но жена сказала, что у нее дела.

И вечером в пять часов эта Неля, взявши с собой девочку, с которой должна была в это время сидеть и делать уроки, поехала в «Националь» и ворвалась с ребенком в ресторан, сказала, что им назначена встреча. Охранник пошел узнал, Джон сам выскочил, очень удивился, но пригласил. Видно, ему Неля уже запала в душу.

Правда, она потом узнала, что его уже познакомили. Уже в Москве его окучивало одно семейство кавказской национальности, у них была дочь двадцати шести лет, не очень красивая, но хотя бы не усатая, как говорили Нелины хозяева. Они их и познакомили как бы в шутку.

Ну и вот, Неля точно рассчитала, что если девушка с ребенком, то ее пустят в «Националь», не проститутка. И она пропила с этим мистером Джоном чай целых два часа, девочке Джон заказал мороженое, которое ей не давали, тем более зимой, и к семи часам родители девочки уже с ума сошли, трезвонили Неле, а она не отвечала.

Ну и, как она хотела, Джон заинтересовался, уехал в Монтегаско и прислал этой Неле приглашение, она просила на полгода, но он прислал на четыре месяца. С того места, где она сидела с ребенком, Нелю, конечно, сразу уволили.

Ну и она быстро оформила визу и поехала. И стала жить у нас, у нашего Джона, а я ведь до шести.

А ночью потом она вызвала тут полицию, что он ее сексуально преследует. Заставляет до утра танцевать перед ним в одних колготках.

И со всеми она подарками выехала из дома с полицией, он ей даже шубу купил, это в марте, когда тут уже абрикосы цветут.

И где-то Неля эта жила еще три с лишним месяца, но не в Монтегаско.

Римма ее больше уже не встречала.

Тут полиция приезжает сразу. Не то что у нас дома, не дожدهшься, ездят только на убийство, сказала эта Римма.

Галина уж это знала. Сколько раз мать вызывала, не дождались. Отвечали: все на убийстве.

С языком Галина худо-бедно справилась, через полгода сама стала все понимать и что надо сказать, говорила.

И ее сделали сразу не грузчицей, а докладывать товар на полки, как ту землячку с Перми.

Галина ведь все время, когда отца уже не было, а Юрка вырос и убежал с пацанами, торчала у матери в отделе.

Ну и Галина нахваталась тут от продавцов таких слов и выражений, которых Анджела и знать не могла в своей школке.

И они ей рассказали, откуда хозяин берет товары в отдел овощи-фрукты и в молочный. Да и в мясной.

И это тоже пригодилось, теперь она вместе с мужем Колей закупала продукты не в супермаркете за бешеные деньги, она уже знала про дешевые фермерские хозяйства и отоваривались они с Колей там, ездили по округе, а чеки и фирменные пакеты – их в супермаркете лопатой гребли.

Да хозяин и не проверял поштучно, смотрел только где итог и оплачивал чеки.

Хозяйка-мадам приготовленным брезговала, ела свое, какие-то отруби, искусственное молоко, че-то протеины и аминокислоты, блин.

Галина утром приготовит, подаст дочери и мужу в семь тридцать завтрак – и поехала Кустодиев на велосипеде, повезла дочку в школу, а потом на работку.

Хозяйка по утрам ела все свое, из банок. Соблюдая свою вечную молодость. Без глютен.

Хозяин вставал к часу. Все ночи смотрел видео и Интернет, порнушку.

И Галина ему подавала ланч.

Одно сильно ее подкосило: смерть родных.

Брат Юрик год назад вышел покурить на балкон, так сказал дознаватель, а был Юра выпивши, дали такое заключение, и его нашли под балконом на асфальте. Сигарета валялась в крови.

Бывшая жена тут же приехала качать права, что она наследница. Но Юрик успел развестись, а деньги на квартиру давала мама, и у нее сохранились все бумаги и Юрина расписка, мать как в воду глядела, что эта приезжая женщина с ребенком нацелилась на квартиру, раз она вышла за пьющего и безработного эпилептика.

Юра с ней познакомился не где-нибудь, а в ее палатке ночью, она там торговала, а он тут как тут, на своем драндулете. Мать ему купила скутер, там прав не надо.

И он все время в Москву мотался к какому-то другу, звонил ему, говорил «я еду, шуманем, попишемся у тебя на районе», а эту бабу спьяну нашел в палатке с ящиком в руках, она хотела этот ящик типа поднять. А тут он зашел купить сигарет, а это оказался овощной.

Но ничего, он ее ящик этот на себя взвалил и с полу до прилавка донес, она потом рассказывала, такой заботливый!

Пригласила его за прилавок, угостила бананом и своей настойкой из банки, там холодно было, она согревалась ночью.

Ну и они друг другу подошли сразу, он сказал. До утра он у нее досидел, ел что хотел, бананы, апельсины, пил настойку.

Она в Москве круглосуточно работала, снимала комнату с напарницей, одна уходит, другая спит. Вот она его и повела к себе в пустую кровать.

С Юркой они быстро поженились, сходили в ЗАГС, но прописывать ее Юра не стал, послушал мать.

Вид на жительство ей посулили только через три года. И, прождавши год, она сошлась с одним покупателем, пожилой военный к ней ходил.

Ну так вот, а самое было страшное, что Юра перед смертью, как оказалось, продал свою эту однушку как раз хозяину того круглосуточного ларька. И доживал в своей квартире, тот мужик сказал, что он ему разрешил еще две недели перед ремонтом, пока составляют смету. Мужик предъявил все документы.

Квартира у Юры уже была к тому моменту полностью убитая. Мать-то к нему не ездила, далеко, а сам он не мог ничего. Ни пола было, ни стенок, все в санузле раскурочено, унитаз на боку.

Называется, купи сыну квартиру, ни сына ни квартиры. Но мама с ним измаялась, вырос второй отец. Руку на нее поднимал.

И тот хозяин ларька говорил, что типа Юра хотел этими деньгами за квартиру выиграть в какую-то биржу. Ну дурак и есть дурак, царствие небесное.

И никаких денег в квартире не осталось. Этот хозяин ларька и столкнул его вниз, конечно. Хотя зачем, все документы были уже в порядке.

Мать была не в себе, чтобы понимать, что произошло, а Галина прилетела хоронить с Анджелкой под мышкой, братнину нищету перерыла, разнесла все по ниточкам, ничего.

И задумалась, а не убили ли Юру за его деньги. Ни копейки ведь не осталось. Но квартира, когда дознаватель пришел, была закрыта изнутри на цепочку, ее вскрывали, а верхние и нижние балконы жильцы давно застеклили, и ни снизу ни сверху хода к Юре по балконам не было.

Но теперешние люди, они за деньги альпинистов с крыши спустят, у Юры ведь балкон незастекленный был, те пьяного-сонного через перила скинут, деньги возьмут, цепочку навесят, и их обратно вздернут, все дела.

Галина осталась сидеть с мамой, та скончалась через две недели в полном маразме.

Галина, еще пока мать дышала, собралась с силами и попросила ее узнать у Юры на том свете, куда он девал деньги. «А потом ты мне приснишь», – сказала Галина.

Услышала ли ее мама, непонятно, но с тех пор Галина, вернувшись в Монтегаску, все свои сны рассказывала Коле за завтраком, не найдет ли он какого-то намека.

Коля всегда жевал долго как телок, а тут вообще ел, глаза уперши в тарелку, и ни разу не заметил ничего подозрительного.

– Ну вот, слушай. Я расскажу тебе мой сон. Вот приснится такое, что не поймешь, о чем. Ну и вот. Типа иду я по земле, а она такая черная, типа как угли, и горячая. А там лестница вверх. И мама на этой лестнице типа стоит. Я к ней хочу подняться, земля горячая, жжет ноги. Представляешь, а тучи такие типа низко-низко. Тоже черно-серые, как пепел. И давят. Дышать нечем. И мама поднимается по лестнице, а там, наверху, отец с топором, представляешь? Я ногу так на ступеньку, а ступенька эта, представляешь, раскаленная! Как мама на ней стоит? Мама, мама, спускайся ко мне. Смотрю, а она там не стоит, а типа плавает. Ноги до ступенек не достают. И я задыхаюсь. А тут все пропало, я лежу, а у меня на лице одеяло. Ночью жарко было.

Коля помычал что-то. Он ел.

– Я хочу, чтобы меня понимали в личной жизни, – сказала Галина и наконец, после долгих месяцев, смогла расслабиться и разревелась от души.

Коля опять мэ, мэ. Телок.

Полтора месяца не было Галины и Анджелки, он вообще, что ли, отвык, и то, что жена сделала пластическую операцию по уменьшению груди, с восьмого на четвертый, и липо-как-са-цию, липо-кас-сацию, как ее там, живота, он не заметил.

А Галина, кстати, сильно сэкономила, в Туле это во сто раз дешевле, даже с Москвы к ним ездют.

Но мужу такое не расскажешь, если он вообще ничего не понял. Долго типа объяснять такому.

Галина еще в городе у себя познакомилась с женщиной – похоронным агентом. Ну два гроба вынесла же за месяц.

И та женщина ей понравилась, Галина, как только мать скончалась, второй раз уже другому агенту даже не открыла, он сразу в дверь стал рваться после отъезда скорой помощи. Позвонила той Венере.

Венера мигом приехала, посидели-выпили, и та ей открыла секрет, что у них свой человек дежурит сутками на прослушивании радиосвязи скорой помощи. И как только поступает сигнал от скорой в милицию о смерти, они обязаны им первым сообщать, там же и адрес они передают, то этот связной звонит агенту, ночь-не-ночь, с адресом и фамилией, и агент быстро едет по адресу и звонит в дверь первым. Еще до ментов. Пока эти растелепываются, уже наш человек в дверь. Примите сердечные соболезнования, Иван Петрович скончался, я помогу вам. Бывает и ночью, люди еще не пришли в себя, все подпишут.

И Венера обещалась в случае чего устроить Галину в их систему.

Мужа своего, который был моложе ее на десять лет, Рустама, Венера тоже уже устроила в морг санитаром, там много денег родные дают, а сама хотела поступать на курсы ведущей, ну, которая с лентой у гроба стоит и говорит «а теперь, родные и близкие, настало время прощаться» типа.

Галина заинтересовалась тоже, но Венера ей сказала, что с такой грудью восьмого размера ее в крематорий не возьмут. Там строго отбирают.

И Галина нашла у них в Туле клинику и быстро сделала две операции, убрала живот и грудь.

А дом материн со всеми потрохами сдала, та же Венера ей подсказала, куда обращаться, к брату Венеры, Эдику, Венера его устроила риелтером в агентство.

Что там будет с домом внутри, со всей этой мебелью, Галину уже не интересовало, она забрала только фотографии и два сервиза, чайный и «Мадонну». Это был для нее страшный дом.

Спасибо, что деньги ей каждый месяц теперь ложили на книжку.

Все приварок.

А Эдика она попросила найти покупателей на дом.

А от мужа Коли взяла обещание не верить никаким обещаниям хозяина подарить им квартиру в Москве на Садовом кольце, ничего не подписывать, и не принимать от хозяина ни подарков, ни денег, потому что он сразу же может заявить в полицию, что его слуги его ограбили, и даст номера денег. У него все записано.

Было ведь такое дело, страшно вспомнить.

Что хозяин один раз, отправив Колю в соседнее государство по поручению из Москвы, а жену куда-то в Израиль в клинику, долго сидел смотрел видео, это были порнофильмы.

Обычно он их на ночь смотрел, а тут как с цепи сорвался.

Новые купил, что ли. Японские.

А Галина как раз вернулась из своего супермаркета и делала ему брекфест.

Ходила туда-сюда и видела все эти картинки со стороны. Да и звуки раздавались понятные.

То есть он сопел-сопел, даже как-то подсмеивался-фыркал, потом сказал:

– Садись, че бегаешь.

Галина сказала:

– Погодите.

– Нечего годить, садись. Ты так, небось, не умеешь, погляди – полюбуйся, че она вытворает, а, Кустодиев?

Надо было просто не обращать, Галина накрывала на стол, ходила из кухни в залу.

А хозяин стал рассказывать со смехом:

– Мы как-то были в Японии и захотели японских проституток взять, нас повезли. Входим, там сидят Катя, Маша и Даша. О, кричат, наши пришли. Мы в другое место, там опять сидят Катя, Маша и Даша. Вы откуда. Все из Хабаровска и с Владика. Пока нашли местных, уже не до них было. Че, неинтересно тебе.

Галина тогда сняла с себя фартук, перчатки (он все хрюкал, глядя на нее, и похлопывал по дивану рядом с собой), а потом повернулась и ушла вообще.

Ушла к себе в дом, где начала плакать.

Все снова-здорово.

Стояла, ела Анджелкино мороженое из холодильника и плакала, утираясь кухонным полотенцем.

И тут он ворвался в дом, не успела обернуться, как обхватил ее сзади, за косу сдернул на пол, сволоочь, и сильно ударил чем-то по затылку, кулаком, наверно, со всей силы, и стал доскребаться, бормоча «Кустодиев, где твой куст вонючий, кустодиев».

И она сдалась – изувечит ведь. Папашины уроки даром не прошли, научилась подстилатся, чтобы не покалечили.

Но хозяин и двух минут не проскакал, спустил.

И убрался к себе, сказал на ходу: «Ты, тупая телка».

И Галина так обиделась! И позвонила в полицию, раз уж так.

Те приехали быстро, она сказала, что на нее напали, она не видела кто, сзади.

Она не плакала, а тряслась.

Они все записали, сфотографировали, забрали с собой Галину в полицию, потом в больницу, там у нее взяли мазок на анализы.

Хозяин дверь полиции не открыл, притворился, что его нет дома.

Да и его «Бентли» не стоял в гараже, они сунулись туда.

Коля ведь на нем уехал.

Спросили ее, а где босс, она ответила «не знаю»:

– Нолл са.

А сама знала, что он сидит в ванной у себя и слушает что творится в усадьбе. Сирену точно услышал.

Конечно, испугался – того, что наделал, и что Галя вызвала полицию.

Дальше было что – Галина помылась, привезла на велосипеде Анджелку и сидела с ней, а Коля приехал только вечером.

Как ни в чем не бывало, утром Галина вошла в дом, открывши дверь своими ключами, и приготовила хозяину завтрак.

Он вылез из спальни с конвертом в руке и с поганой улыбкой на морде.

– Ну что, будем прощаться. После этого работать у меня тебе не захочется. Так я думаю. Да и мне это уже неинтересно. В результате твоего поведения.

Галина сказала:

– Так не обойдетесь. В полиции ваш мазок. Они у меня взяли на анализ.

– Чё?

– То. Вы сядете на тридцать лет.

– Ах-ах. Разбежалась. Сегодня же выметайтесь все отсюда. Вот вам деньги и катитесь (он выругался). У меня премьер-министр друг.

– Это вам не там. Это здесь.

– А я Кольке скажу, что ты подстилалась мне все время. И пошла на шантаж, когда я сказал, что больше не хочу и это в последний раз.

– Коле что угодно говорите. В полиции записано и снято на видео, что мебель повалена и у меня синяк на затылке. И волосы из моей косы выдранные на полу у дверей они нашли.

– Волосы ты сама выдрала, (...)! И синяк об дверь наставила! Я тебя не трогал, ты, (...) мне подстилалась! Жопой вертела кто?

(Опять одно и то же. Как отец.)

– А в тюрьму вас заберут. И в России многие захотят, чтобы вы сидели не здесь, а там.

– Охо-хо. От ты какая! Ну ладно. Кустодиев, что ты сердишься? Ну сорвался. Так ты же красотка! Вертишься тут ходишь. И святой не вытерпит! А тем более я, нецелованный.

Струсил. Испугался реально. И все время конверт выставляет вперед, как защищается им.

– Кустодиев, что тебе надо? Гражданство здесь? На всех?

– Не купите. Будете на зоне мотать срок.

– Я и не покупаю. Я тебе денег пока что не предлагал. Ну хочешь квартиру в Москве? У меня там четыре. На Садово-Спасской, на Сивцевом Вражке и две в высотке на Восстания.

– Сядете.

– Ух ты злобная. Я сегодня же оформлю тебе квартиру сто двадцать метров, мне пришлют самолетом бумаги.

– В Коми республике будете сидеть. В зоне особо опасных преступников строгого режима. Ларек раз в неделю. И передачи никто не будет посылать. И будете там козлом вонючим. Я вам это устрою.

– Нахватались, Кустодиев. Откуда ты все знаешь?

– Будете срок мотать.

– Кланяюсь тебе в ножки, Кустодиев. Спаси меня от тюрьмы. А хороша твоя роза в кустах, Кустодиев! Не забыть прямо! Пойдем ко мне? Не спеша, как говорится...

– Еще чего, раскатали губу.

– Я бы сейчас тебе сразу денег дал, пятьдесят тысяч евро, но я не могу их снять со счета. Тут же в полиции заподозрят, что плачу за шантаж. Это ведь шантаж? То что ты задом своим передо мной крутила?

– Я? Перед вами?

– Ну иди ко мне. Не могу прямо.

– Все, я накрыла вам завтрак. Мне некогда.

И хорошо, что она не взяла конверт.

Наверняка там были меченые деньги, и он бы обратился в полицию, что его обворовали.

Но она не пошла домой.

Кустодиев протиснулась в щель под верандой, там села на деревянный поддон, это было место, куда выходила какая-то забытая строителями продушина – прямым из кухни.

Ее обнаружила Анджелка, она залезла туда, ну как все детишки все обследуют, и мать ее долго искала, сошла с ума, а Анджелка закричала «ку-ку», когда Галина уже собиралась звонить в полицию из кухни, и мать услышала близко-близко это «ку-ку».

Как будто кто-то рядом сказал. Выбежала из дома, рассчитала место, где должна была находиться кухня, а там, под верандой, можно было пролезть между столбами, и Анджелка отозвалась на крик.

Галина потом не раз по-пластунски забиралась в тайник, там она вполне умещалась сидя.

Все подслушивала, все разговоры-переговоры, все скандалы мужа с женой, жена хотела, чтобы хозяин усыновил ее парня тридцатилетнего.

По законам Монтегаско наследство переходит сначала не к жене, а к детям.

Хозяин отвечал, хочешь быть моей вдовой? Но у меня, говорил, свой сын есть, на... мне твой вы...док. Сейчас хозяин говорил по телефону.

– Значит, купчую на квартиру на Восстания. Имя я тебе сейчас продиктую и адрес... погоди, перезвоню.

Галина быстро выбралась из схронки и побежала домой. Ее настиг звонок по мобильному:

– Кустодиев! Ты вот что, пошли мне смс-ку со своим адресом и паспортными данными.

Галина не отвечала, она бежала.

– О, ну че ты молчишь? Боишься? Да нужна ты мне вообще сто лет. Сама же крутила жопой, сама вызывала.

– Все! (Она уже поднялась к себе на веранду и могла говорить свободно.) Я ничего не знаю и знать не желаю. Вы будете сидеть в тюрьме.

– Хорошо уже, я сам приду.

Он пришел в ее прибранный домик, где Коля сидел в трусах и смотрел теннис, и стал этот пройда улыбаться и сказал с порога, что решил подарить Коле и Галине квартиру за хорошую, преданную дружбу.

Галина отвечала, держа в руке скалку:

– Это ваше дело. Я ни при чем. Ничего подписывать не буду. Мне ничего от вас не надо.

Коля, наоборот, стал чуть ли не плакать и совался обнять хозяина.

Галина ушла в дальний угол сада и принялась там полоть, обливаясь слезами. Ее всю трясло.

И еще Галина подумала, а что Коля такой прямо равнодушный стал, не связался ли Коля с мадам? Или с Риммой?

Нет, нет, мадам как ездила, так и ездит к тренеру по фитнесу, Коля ее сам и возит и говорит, что она, наоборот, спит со своим тренером.

Нашли друг друга две тощие воблы копченые. Этот тренер у нее немка.

А про Римму надо подумать, она недаром в гости ходит.

Вот таков был расклад обстоятельств в семье водителя Коли, когда он привез к хозяину парней из Москвы. Сына в двойном экземпляре.

Дальнейшее читатель узнает в конце, из рассказа Галины Кустодиев, которая возилась с ланчем на кухне, а кухня с гостиной – это одна общая зала.

Итак, бизнесмен Сергей Серцов, гражданин Монтегаско.

6. История Маши и Сергея Серцова

Как он, этот Сергей Серцов, вообще здесь в Москве оказался, задавались вопросом окружающие, тем более поступил в такой институт, как МГИМО, куда поступают только дети больших людей и все, как правило, изнутри профессии, из семей дипломатов, – но этот вопрос так и останется вопросом, потому что Сергей, невысокий такой, невидный из себя парень, сам с Краснодара, из района, хранил по этому поводу молчание – поступил после армии, все. Сам еще отработал в райкоме комсомола два года, готовился.

Поступил, выучил английский плюс ханди и ирду, достаточно для того, чтобы потом ехать в Хандию сразу в посольство, но тут стоп; поскольку сначала надо поработать после института.

А у него ни прописки, ничего, даже из общежития после института попросят. И на работу в Москве таких не берут.

Тут в процесс включилась одна Маша, которая училась вместе с Сережей, и она заявила по международному телефону родителям, что выходит за своего однокурсника Сережу замуж, чтобы ему помочь.

Она им сказала все открыто, честная Маша, что они друг друга только уважают, не больше, однако Сергею надо помочь, и она готова. И что он, возможно, поедет потом в страну, в Хандию или Пакистан.

Разговор шел пока что с отцом.

– Сам он откуда? – протонародно спросил отец, в настоящее время посол.

– А какая разница? – обидчиво возразила Маша. – Ну, город есть один под Краснодаром.

– Ага. Село Мухосранское. Поселок городского типа, что ли? Ты долго такого искала?

– При чем здесь поселок, – упорствовала дочь.

– Тебе же тоже придется с ним ехать в страну! С этим вахлаком! – крикнул отец, Валерий Иванович. – И жить с ним!

– Ну и что, – отвечала Маша. – Почему с вахлаком. Он...

– Три года! всю жизнь!

– Ну и что. Он хороший человек.

– Молчи! И дети родятся!

– Правильно, – соглашалась на все нестигаемая Маша.

– Как хочешь, а я его не пропишу!

– Пропишешь, – возражала Маша, – а если не пропишешь, я по суду отсужу себе комнату, и все. Я имею право.

– Дура! – вопил отец. – Предаешь, понимаешь, нас с матерью, которые все только для тебя! Все! Квартиру тебе строят! Взнос уплатили в кооператив! В дорогой, между прочим, куда все рвались, а я устроил для тебя! Для тебя же, дура!

Мать, Тамара Геннадиевна, не была допущена к переговорам. Но она все слушала по отводной трубке.

Позже, в спальне, она сказала:

– Маша не дура. Она влюблена в него, Валера. А ему надо отработать в Москве, чтобы уехать в страну. А без прописки на работу не берут.

– Мне-то что!

– А то, что она хочет выйти за него замуж. И пользуется ситуацией. Пропишет его.

– Дура. И ты дура вдвойне еще. Он пользуется, он!

– Может быть. Тебе лучше знать. Именно тебе. Кто, как не ты, должен это понимать.

Молчание, обиженное сопение.

Мать продолжала:

– Это Машино дело. Мы должны пойти ей навстречу.

– Какой-то сиволапый будет с нами жить?

– Мы же приедем всего на месяц, Валер. Через полгода.

– А вернемся через два года?

– А вернемся, они уедут. У него хорошее будущее. У него дядя двоюродный в системе Медимпорта.

– Кто такой?

– Маша говорила, Виктор Иванович. Чермухин.

– Сам Чермухин?

– Матери его двоюродный брат.

– Ну.

– Он его хочет отправлять в Хандию. На три года. Через год.

– Откуда ты все знаешь?

– Знаю. Маша сказала. Я ей звонила.

– От бабы... Сговорятся, понимаешь... За спиной.

– Как ты помнишь, мой отец тоже был против того, чтобы я за тебя выходила замуж, – сказала Тамара Геннадиевна.

– Прав он был, – сердито отвечал муж. – Как в воду глядел. Не был бы я дурак...

– Мой папа из-за этого и умер, – сказала Тамара Геннадиевна.

– Прям, – возразил Валерий Иванович. – Пил много, вот и все. Алкаш был.

Видно было, что не в первый раз возникает этот разговор.

7. История Самары и Валеры

Эти собеседники – Валерий Иванович и Тамара Геннадиевна, родители Маши, – были как раз из того самого слоя советских людей, который в их собственных кругах назывался словом «контингент», – сдержанные, вышколенные дипломаты, сам с красивой зачесанной сединой, Валерий Иванович, тоже, кстати, с югов, ставропольский, из станицы, бывший футболист, а потом спортивно-комсомольский деятель. Работал в обкоме инструктором, там его заметили.

Тогда были такие времена, что дипломатов и вообще руководство набирали из проверенных людей рабочего происхождения, и правильно делали.

Именно на них, на их вкусах и на их культурном уровне, все и было основано в стране, театр, кино, телевидение, литература и научные устремления – щедро финансировались только закрытые «почтовые ящики», работающие на войну и космос.

Был даже в одном НИИ (научно-исследовательский институт) отдел биохимической направленности, в котором завотделом, женщина, кандидат биологических наук, пробивала научную тему для своих сотрудников, хотела создать нечто, что действует только на определенную расу.

Потом, уйдя на пенсию, она спала на брошюре одного энтузиаста воскрешения из мертвых. Он собирал огромные залы и продавал свои книжечки, имеющие силу.

Теперь о Валере. Жену он себе отыскал именно уже в посольстве, это была дочь посла, красавица, по матери из гнезда московских грузинских князей, по отцу (послу) тоже деревня, но вся целиком пошла в мать.

Тамара, студентка, приехала к родителям в зарубежную страну на каникулы, за красивым каменным забором тут были все свои, все посольство жило под одной крышей и чуралось как иностранцев, так и изучения местного языка. Хорошо разбирались только в ценах, где, на каком оптовом складе продукты и вино дешевле. Повара-туземца по прозвищу «шахтер» (поскольку чумазый) посольские бабы насобачили солить грибы и огурцы, он даже

делал капусту по-гурийски, лобио и аджаб санда, это мадам Нина Георгиевна, жена посла, постаралась.

Водилась икорка с родины. Закатывали русские обеды для коммунистов-аборигенов.

Сидели в садике, где бегали дети персонала.

Играли в города.

Карты были под запретом. Имелись шахматы и шашки.

Ну и местное телевидение, которое все смотрели ближе к ночи.

Для обучения языку, так объясняли.

А там одни песни-танцы показывали и музыкальные фильмы производства кинофабрики соседнего государства под названием Болливуд.

С субтитрами на местном языке, бежали такие кудрявые строчки.

Не было ни фига не понятно.

Дочь посла Тамара пригляделась к молодому сотруднику Валерию (по презрительному определению посла-отца, «футболисту»), пригляделась к нему с балкона, когда он именно что играл в футбол с детьми посольства, он тренировал их как команду, хотя мальчишек было всего четверо, пятый путался в ногах, запасной дошкольник.

На чужбине разрешалось держать детей только до одиннадцати-двенадцати лет, дальше надо было их усылать на родину, не было в посольстве для них школы.

Так что он играл с малолетками. От бумажной работы на что не пойдешь!

Тамара, сидя на балконе, как раз оказалась единственной болельщицей. Она обмахивалась веером там, на втором этаже, а внизу дети гоняли мяч.

И, засидевшись за письменным столом, футболист Валерий в первый же вечер по приезде Тамары вышел во двор к своей команде, бросил взгляд на тот балкон – и от души продемонстрировал все, на что был способен.

Дочь посла Тамара загрустила как-то, с туманным взором сидела за ужином, ничего не ела.

На следующий день Валера, – по просьбе умной жены посла, которая тем вечером вовремя заглянула на балкон и, вернувшись к себе, тут же посмотрела из окна во двор, где орали юные футболисты, – он был призван к жене посла.

И этот Валера поехал показывать девушке местную столицу.

В том числе он показал и другие свои таланты – подавал руку, вынимая из автомобиля пассажирку, пропускал даму вперед.

Шутил, довольно, правда, грубовато.

Стояла дикая жара. Девушка томилась.

Тамара, грузинка по материнской линии, худощавая девушка с выщипанными тонкими бровями, дребезжала как струна от каждого его прикосновения. Это ему было заметно сразу.

Он даже пару раз не отпустил ее руку после автомобиля, вел и вел.

Лицо Тамары, однако, оставалось аристократически каменным, что внушало уважение и одновременно как бы подначивало Валерину мужскую гордость.

Валера бы, правда, сам в дальнейшем ни на что бы не решился, как вдруг посол лично его вызвал и хмуро велел снова сопровождать Тамарочку по городу.

– Выразила, понимаешь, желание ознакомиться со страной, с обычаями. На базар, в кино.

На базаре Валера купил ей огромный грейпфрут, который обозвал, конечно, «грейпфрут», сам его взрезал и показал, как надо есть, снимая кожицу с каждой дольки.

Потом он купил билеты в кино за свои кровные, за местную валюту.

Кинотеатр был худо-бедно с кондиционером на американский манер. Для народа он был дороговат. Зал был заполнен только наполовину. По рядам бегали дети. Взрослые пере-

кликались. При каждом повороте сюжета зрители шумели (фильм был из местной жизни, с убийствами, пением и танцами).

Валера кое-как переводил, склонившись к аккуратному уху дочери посла (с бриллиантиком в мочке).

От его дыхания у девушки шел мороз по шее, явно. Валера иногда специально поддувал.

Напряжение достигло такой силы, что в конце концов Валера губами дотронулся до бархатистого ушка, и Тамара тут же якобы вопросительно повернулась к нему, сделав брови домиком и прикрыв свои красивые глаза.

Валера не сплеховал. Целовались до конца фильма, а потом сели в парке на скамейку, после чего залезли в местные колючие кусты, Валера подстелил пиджак изнанкой вниз. Сцепились бурно как самбисты. Все произошло по полной программе. Валера даже не ожидал, что это случится так скоро.

Вернулись потрепанные, как из помойки, у ворот осмотрели друг дружку, смеясь. Валера заботливо, как каждый мужчина после совокупления, вытащил пару соломинок из прически своей невесты.

Тамара была не девушка: немудрено в двадцать семь-то лет. Хотя и слишком опытной ее тоже нельзя было назвать. Так, несколько раз за жизнь.

Знающий Валера сразу понял ситуацию. У нее давно никого не было.

Тамара сначала невольно шипела от боли, а потом принялась тоненько подвывать.

«Молчи», – громовым шепотом предупредил ее Валера.

Хорошо, что невдалеке бурно играла местная музыка.

Тамара кончила честь по чести, хрипло дыша и бурно, но молча вздымаясь. Валера был доволен собой, хотя пришлось выбросить носовой платок.

Без которого тут было не продержаться.

Жара сорок постоянно и высокая влажность.

Хотел было платок сохранить, но потом понял, карман промокнет. Штаны хлопчатые, местные, тонкие.

В руке держать как дурак не станешь.

Юбка у нее осталась чистая, так как Валера эту юбку надлежащим образом в самом начале заботливо завернул от пояса выше.

Опыт по части девушек у бывшего футболиста был большой.

В этот парк он уже водил некоторых.

Собственно, все об этом знали.

В доме посольства, как считалось, была прослушка, и жена посла любила дать понять подчиненным, насколько она в курсе дела. Недаром именно Валера был выбран ею в провожатые. Двадцать семь лет грузинской деве, на что это похоже!

Новобрачные наконец вперлись в помещение посольства.

Валера в темном холле долго стоял рядом с девушкой, что-то бормоча, прежде чем отпустить.

Шептал он всякую ерунду типа «у тебя такие глаза» и «ты моя жена».

Целовались.

На втором этаже горел свет. Мать с отцом не спали, сидели встревоженные, одетые.

Всякое бывало с молодежью, случались и невозвращенцы.

Дочь посла сбежала с сотрудником, осталась за рубежом!

Гражданская казнь для родителей отщепенки, ссылка на родину!

– Так. Где была? – спросил отец, стремительно подходя с оплеухой. – Мы тут чуть полицию не вызвали.

– Папа! Я выхожу замуж! – уворачиваясь, крикнула Тамара.

– Выходишь? Ты у меня выйдешь! – завопил отец на автопилоте, но тут вмешалась мать, Нина Георгиевна.

Она увела Тамару, все выпросила и вернулась к мужу успокоить его.

– Сопляк он еще! Кто такой! Вокруг Тамарки такие парни ходили, сын Туманяна! Дубины Виктор Петровича внук! – кипятился отец. – А она что? Обратила на них? Нет! Ни малейшего! И потом! Ты соображаешь, какие проблемы начнутся? Меня могут отозвать! Семейственность, понимаешь, развел тут! Валерку отзовут вот уж точно! Муж, тоже мне! Куда он, прохиндей без кола без двора? Тренером в Краснодар детской команды? Дурак, дурак! Квартиры у него нету, в общежитие Тамару сволокет, да? Голозадый в принципе, да?

– погоди, погоди, – увещевала его мадам, – Тамаре-то сколько лет! Ей пора!

– И при этом! У Валеры задание, он не может его бросить, проделана, понимаешь, работа.

Имелось в виду, что Валера занимался попутно еще и шпионской деятельностью и завербовал одного старика-эмигранта, который вращался в местных антисоветских кругах. Старика очень нужны были деньги. Валера в результате посылал в контору толковые отчеты о благотворительных балах, ярмарках и литературных вечерах с белогвардейским оттенком. Контора, таким образом, держала руку на пульсе эмигрантской светской жизни. Старик Тротский, даром что ветхий, проявлял жуткую активность, потому что пылал ненавистью ко всем без исключения эмигрантам (а они к нему).

За многие годы, прошедшие после революции, небольшое русское сообщество (уже в третьем-четвертом поколении) насолило каждому соотечественнику свыше всяких мер, перессорилось, многожды переженилось, в том числе мадам Тротская ушла к князю Шарахову сразу после кончины княгини Уйгур-Шараховой, забрав с собой все сбереженные семейные жемчуга дома Тротских и присовокупив теперь к ним знаменитую уйгур-шараховскую шкатулку.

Злые языки мгновенно донесли Тротскому, что те двое только того и ждали, чтобы объединиться. Как бы они давно совершенно нагло сожительствовавали. И не отравили ли они несчастную старуху?

В полицию было пять писем. Безрезультатно.

Теперь Тротский (имея полные 75 лет) специально таскался по всем мероприятиям, которые прежде ненавидел, нахально напрашивался на чай, даже на детские дни рождения, и писал доносы как на Шараховых (яростные антисоветчики, тайное общество), так и на всех остальных.

Не таясь, он начал прилично одеваться (раньше обходился одним лоснящимся пиджаком) и завел платонический роман со вдовой адвоката, у которой была машина еще на ходу.

Теперь он повсюду раскатывал на авто и посещал со своей дамой бесплатные мероприятия типа городских фейерверков, по поводу чего строчил Валере (т. е. в КГБ) злобные доносы на местных городских чиновников, зря расходующих деньги налогоплательщиков.

Там же он упоминал все факты взяточничества властей и полиции.

И хотя эти письма были как бы не по адресу, запасливый Валера все покупал и отправлял, в рамках изучения настроений местного населения и развивающейся коррупции поименно.

Т.е. кто из чиновников берет уже совсем откровенно и на кого можно возлагать надежды в случае чего.

А недавно Тротский вообще отличился, посчитал количество аборигенских танков на параде. Было шесть, но один остановился прямо на площади.

И теперь, когда Валера женится и его ушлют, данная деятельность посольства тоже окажется под угрозой.

Кроме того, кто разрешит пребывание такой разросшейся родни под крышей посольства (сам с женой, его зять и дочь плюс еще возможные дети!).

Посол, в добавление ко всему, был влюблен в свою дочь как мужчина и не мог допустить даже мысли о том, что его красавица и умница ляжет под какого-то косопятого мужика и ее будут использовать в постели как шлюху. Она обязана была хранить невинность навеки как знак верности своему отцу, так он понимал ситуацию.

Хотя он соображал, что дочь уже засиделась, но одновременно считал, что и подходящей пары для нее нет и неизвестно (Тамара работала уже три года в министерстве библиографом, сидя где-то на задах книгохранилища в сугубо женском коллективе, туда ее пристроил любящий отец) – но так оно и спокойней.

Назавтра посол, Геннадий Иванович, вызвал Валеру и с криком «ты что тут, понимаешь» лихо, как в молодости, заехал подчиненному в ухо.

Валера же, не будучи аристократом и дипломатом, по-уличному сунул дяде Гене куда попало (под дых), посол упал, а сам Валера выскочил, забежал наверх к Тамаре, сказал «надо поговорить», повлек ее за собой и уехал с ней на электричке куда глаза глядят, получилось что в довольно прозрачный пальмовый лесок, за которым шла высокая стена и где, в лесочке, не обращая внимания на каких-то солдат на вышке, Валера немедленно засандалил Тамаре ребеночка, чего не сделал накануне, оберегая честь дочери посла.

В конечном итоге оказалось, что они прилегли у полосы отчуждения вдоль стены местного гарнизона, в другом бы случае их арестовали как шпионов, но тут все обошлось (солдаты, видимо, сбегали за биноклем, там наверху, на вышке, что-то поблескивало, когда Валера с Тамарой уходили).

Валере было важно именно спустить в Тамару.

Ухо его горело и призывало к отмщению.

Он использовал не Тамару, а самого.

Так, в атмосфере злорадной мстительности, и была зачата будущая девочка Маша.

Когда Валера с Тамарой вернулись, опять ближе к ночи, посол безмолвно лежал в супружеской кровати и не встал, чтобы достойно встретить гулящую дочь.

Он принял решение не усугублять ситуацию, а спустить ее на тормозах.

То есть сперва удалить Тамару, раз, а потом как-нибудь подловить и уничтожить Валерку.

Так, чтобы его поймали на нехорошем деле, допустим.

Посол лежал и увлеченно (кровь кипела) воображал в уме разные картинки.

Одна интрига уже вертелась в его мозгу, как у опытного драматурга.

Однако Валера на следующее же утро подал заявление об уходе по собственному желанию.

Но Москва начала трезвонить. Лубянка не давала разрешения. Москва ничего не могла понять. Парень поставлял хорошие отчеты. Что случилось?

Посол уже был готов ответить, ночка даром не прошла, и он по международному телефону обрисовал ситуацию так, что Валера спутался с местной проституткой, у него сифилис, то есть Валера потерял, а кастелянша нашла у его двери бумажку с результатами анализа и с его фамилией (уже имелся врачебный документ, творчество посольского доктора, все было подготовлено).

Прилагалась также пустая ампула из-под антибиотика. Якобы из мусорной корзины Валеры.

Год назад подобная история произошла с водителем, которого врач отправила на обследование, после того как уборщица заявила, что с ней что-то не то и что она живет только с водителем. Его и уборщицу послали на мазок в лабораторию, а затем, не ожидая результата, отозвали. Результат пришел, кстати сказать, положительный только у уборщицы.

Так что путь был проторенный. Врач по указанию посла сфабриковала подобный листочек на имя Валеры.

Тамара тоже выслушала версию отца, долго плакала у себя, ей была предъявлена и ампула, и анализ чего-то на фамилию отщепенца.

Посольский дом кипел. Все сторонились Валеры.

Когда он вышел во двор тренировать ребят, детей не оказалось. Он сунулся в квартиру кастелянши Милы, матери одного из своих футболистов, но Мила вышла, загородив собой дверь, и сказала:

– Сюда ходить вам нельзя как венерически больному (причем с выражением особенной ненависти на своей широкой физиономии, так как Валера все это время сожительствовал с Милой).

И добавила:

– Больше не суйся, б.

– Кто б. – то, – стал было возражать Валера.

Но Мила уже хлопнула дверью.

Валера ничего не понимал. Ситуация была жуткая.

Однако посол не учитывал, что Валера прошел краткий курс молодого шпиона. Пригодились и маленькие приспособления.

Короче, из внутрисольских телефонных разговоров, подслушанных с помощью жучка, изумленный, потный Валера к обеду все понял.

После чего он составил шифровку в родимую контору, где обрисовал ситуацию так: посол присвоил деньги, предназначавшиеся Тротскому за особо важное задание по прогулкам вдоль стен гарнизона, возможно, ракетных войск, нуждается в уточнении, на станции NN (означенную сумму в долларах Валера предварительно спрятал во второе дно чемодана), а когда он, Валерий, задал послу вопрос насчет денег для Тротского на это сверхсекретное мероприятие, посол Геннадий Иванович сказал, что деньги не поступали, т. е. факт присвоения денег выяснился.

А затем посол, пойманный на этом присвоении, пустил в ход клевету с поддельным анализом на сифилис (пусть обратятся туда, где была выдана эта бумажка, и выяснят, что факта посещения лаборатории не было!), тем более что это вызвано тем, что посол возражает против брака своей родной дочери Тамары с ним, с Валерием.

Валера также приводил адрес гарнизона, того самого, в лесочке в полчасе езды от столицы, куда Тротский должен был быть направлен для прогулки вдоль стен.

То есть донесение Валеры пришло немного позже, чем сообщение Геннадия Ивановича.

Потом Валера пошел к врачу посольства и потребовал, чтобы ему выдали на руки этот якобы его анализ на сифилис, чтобы найти лабораторию и вскрыть подлог.

– Какой анализ, вы что? – возразила ему перепуганная врачиха посольства. – Где вы видели сифилис? С ума сбесились вообще? Или приснилось с перепоею?

– Сама б., – снова ответил вздрюченный Валера. Терять ему было уже нечего.

8. История рождения Маши

В результате и посла, и Валеру (и врача) отозвали.

Летний отпуск Тамары закончился горькими сожалениями.

Валера улетел в Москву не попрощавшись, посол лежал с сердечным приступом, его жена, заливаясь слезами, лихорадочно собирала нажитые вещи.

Мебель надо было вывозить водой, на теплоходе.

Траты, траты! Вместо новой «Волги» и кооператива для Тамары (за которую был внесен первый пай) шиш с маком.

Сама и виновата.

Жена посла была оскорблена до глубины души. До сих пор она чувствовала себя если не владычицей мира, то, во всяком случае, главным действующим лицом своей вселенной.

Все ей подчинялось, муж, его сотрудники, местные слуги, даже туземные правители и их жены.

Что уж говорить о родственниках в далеком Поти! Там оставалась вдовья сестра, ее единственная дочь вышла замуж за продавца из газетного киоска!

Надо ли добавлять, что всякую связь с родней Нина Георгиевна пресекла навеки и никогда не открывала дверь на неизвестный звонок, будучи в Москве в отпуске.

Ни-ко-гда.

А то был один случай, когда пришлось не пустить наглых приезжих с чемоданами, которые заявили прямо с вокзала, якобы это племянница с мужем и малолетним сыном! «Я вас не знаю», – сказала Нина Георгиевна и резко захлопнула дверь.

А то повадятся.

И тут такая чудовищная, непоправимая история!

Безработный глава семьи, опозоренная и, скорей всего, беременная от проходимца дочь.

Ехали в трауре. Нина Георгиевна не плакала. Наступил край жизни.

Вернувшись, в ожидании санкций начальства семейство бывшего посла тут же выехало жить на дачу.

У Тамары, которая все еще пребывала в отпуске, на глазах у родителей начался токсикоз беременных. Ее рвало по утрам. Мать требовала сделать аборт:

– Как ты думаешь, ребенок, больной сифилисом, это что, слушай? Сухотка мозга! Паралич! Сердце мое, прочти в медицинской энциклопедии! Отец сейчас, слушай, безработный! На что мы будем его содержать, твоего сифилитика ребенка! (Дальше шли проклятия, судя по выражению лица мамы.)

В тяжелые минуты она переходила на язык своего отца.

Самое главное, что Тамара не знала, где искать Валеру.

И у Валеры тоже не было адреса дачи.

Однако она недооценивала своего будущего мужа. Ночью в ее окно поскреблись. Она тут же открыла задвижку, сорвала марлевую сетку. Валера залез как вор. Они долго молча целовались, Тамара плакала.

– Соберись, пойдем, – сказал Валера.

– Ты что, я беременная, – ответила Тамара.

– Это тебе полезно, гулять, – отвечал бравый Валера.

Он вылез и принял Тамару под мышки. Пошли куда-то наугад и провели ночь буквально под чьим-то забором. Тамара некстати плакала и твердила: «Ты мой. Я тебя люблю. А ты?»

Он сквозь зубы отвечал «я да».

Под утро все обсудили. Валера ждал назначения в другую страну, под крышу агентства ТАСС.

– Туда берут только женатых, – сказал он. – Паспорт твой где? Пошли заберешь. А то они спрячут, я знаю эту породу.

Бывшего посла дядю Гену через полгода отправили в убогую пока что нейтральную страну на очень дальнем востоке торговым представителем, покупать у местных их товары низкого качества, а на самом деле осуществлять экспорт оружия для поддержки местных прокоммунистических повстанцев. Чтобы влиять на политику.

Нина Георгиевна опять стала хозяйкой, но теперь уже торгового представительства, учреждения гораздо меньших масштабов.

А Валеру с Тамарой послали гораздо раньше в одну из стран Латинской Америки.

Их дочь Маша, однако, родилась в Москве из экономии, Тамара выехала на роды месяцем раньше срока, чтобы не тратить валюту в местных клиниках.

Всю жизнь затем повзрослевшая Тамара, позже Тамара Геннадиевна, как тень, следовала за Валерием Ивановичем. Классическая жена шпиона, выдержанная, терпеливая, немногословная, аккуратистка. Больше никаких вопросов и слез.

Он над ней невесело подшучивал, ерепенился.

Специально употреблял простонародные выражения и мат, чтобы расшатать ее чувство собственного достоинства.

Видимо, ему покоя не давали слова тестя, которые тот повторял при каждой okazji: «Путем меня и Тамарки сделал ты хорошую карьеру. Утопив меня».

При этом дочь такого неотесанного папаши-посла Тамара Геннадиевна была аристократка до мозга костей. Умела одеться как герцогиня, покупала за границей ткань, а шила ей по зарубежным выкройкам дешевая московская портниха.

Надо отметить, что Тамара Геннадиевна ориентировалась только на один образец: на Джеки Кеннеди. Такие же пальтишки, шляпки-таблетки, костюмчики с открытыми ключицами.

Собственно, и лицом она была похожа на Джеки, чего, правда, никто не замечал.

Дочь она водила в типичных нарядах английских принцесс: клетчатые юбочки, лаковые туфельки, блузки с большими воротничками, короткие пиджачки.

Дочь, правда, росла не очень красивой (где вы видели красивых английских принцесс? Принцесса Анна? Маргарет?), но была очень впечатлительной девочкой.

И при том дома царствовал невожатый Валерий Иванович, который срывал на жене и дочке все свои неудачи и то и дело приговаривал: «Ремня захотели».

Тамара любила дочь безумно, однако с двенадцати лет девочку вынуждены были отправить в Москву, в школу, и ее растила бабушка Нина Георгиевна.

Которая, в свою очередь, воспринимала воспитание Валериной дочери как бессрочную каторгу.

Что касается деда, посла, то Геннадий Иванович довольно быстро ушел после пережитого позора. Мужик-медведь не терпит другого медведя в своей берлоге, побежденный должен подохнуть.

9. Любовь Маши

В результате Маша выросла совершенно одинокой и не очень красивой девушкой. Не умела кокетничать, краситься.

Что же, во всем мире принцессы все как одна одиноки, не могут найти себе пару и в дальнейшем испытывают страсть к слугам, увы...

Втайне Маша была доброй, пылкой и чувственной, но никак этого не показывала.

Все это знала ее мама, Тамара Геннадиевна, и прозревала в ней вечную одиночку.

Они очень любили друг друга и часто перезванивались. Мама была единственной подругой Маши.

Белесая в отца, неприметная отличница, девочка из хорошей семьи, вежливая, молчаливая, неконтактная.

На первом же курсе она тайно влюбилась в Сергея, потому что он как-то в раздевалке сказал ей:

– У вас сумочка открыта, надо застегнуть. Мало ли. Давайте я.

И застегнул ей молнию на сумке. А сумка как раз висела на боку.

Его заботливые, умелые руки прошли по Машиному бедру.

И потом он всегда с ней здоровался.

К весне третьего курса, за месяц до своего дня рождения, Маша как бы обезумела, поняла, что пора действовать, то есть созрела окончательно, вымыла, вылизала всю квартиру (бабушка часто болела, а мама, как всегда, проживала за рубежом с мужем-послом), затем во время международного телефонного разговора попросила маму прислать с диппочтой самые модные музыкальные записи и материал для новых занавесок, а также джинсы, тонкий свитер, кружевные трусики и такие же лифчики и пригласила на свой день рождения много народу, к каждому подходила индивидуально, вручала карточку с адресом и датой, и, в том числе, подошла с тем же самым к Сергею, который учился в другой группе.

Он сказал:

– Спасибо, приду обязательно. Что нужно принести?

– Только сухое вино, если вам не трудно.

Бабушка не одобрила внедрения в квартиру шумной оравы, когда все пришли (многие и совершенно посторонние, как бы друзья приглашенных, весьма дикого вида), и она легла в спальне, запершись на ключ, но Маша все приняла на себя.

Танцевали. Сергей сидел в стороне.

Маша, пробегая с тортом, случайно наступила ему на ногу. Он кивнул и в ответ на извинения сказал: «Прощаю». Солидно так.

Потом удалился раньше всех. Раньше чем заблевали всю ванную и ковер в гостиной.

Но через несколько дней он подошел к ней в коридоре и спросил, нет ли конспекта по Первой мировой войне, раздел Балкан.

Маша предложила зайти к ней после лекций.

Пили чай. Бабушка всем своим видом протестовала. Сергей был одет как-то бедно, обувь вообще несусветная, туристические ботинки из кирзы.

Когда он ушел, бабушка спросила:

– Дорогая, он откуда, чей?

– Он сам по себе, с юга. Родился у моря.

(Правда, до моря там было триста километров, но бабушке-грузинке можно было и приврать.)

– Мало нам твоего папочки-футболиста. При том что прадед наш князь. А как он учится?

– Не знаю. По-моему, ничего.

– Ну и что ты в нем нашла, слушай!

Маша промолчала.

Потом в отношениях с Сергеем опять была длинная пауза.

Здоровались, и все.

Так, ни шатко ни валко, продолжался этот односторонний роман. Иногда оказывались вместе в библиотеке, в столовой.

Через год, в апреле, Сергей подошел к ней опять в раздевалке, пошутил:

– Теперь сумочка застегнута? Здравствуй.

Он был одет. Маша тут же спросила:

– А ты куда? В смысле, в какую сторону?

– Я в сторону Хабаровска, но поближе. Мне предложили там в аспирантуру в пединститут областной и преподавать. Видимо, буду ориентироваться на Китай. А зачем тогда было учить ханди?

Они пошли к метро, но на самом деле пошли дальше, по переулкам.

В первый раз гуляли вместе. Маша дрожала, у нее сводило скулы, но внешне ничего не было заметно.

– Как твой день рождения прошел? – спросил он. (Помнит!)

– Никак. У меня бабушка болела. Посидели в кафе вдвоем, и все.

(Знай наших! Правда, Маша пригласила в кафе подругу, вместе с которой занималась фехтованием.)

– Весело было?

– Да уж. После того дня рождения я неделю грязь возила. Все напились с большими последствиями. Хватит с меня.

Все оказалось довольно просто.

Мечты, когда они исполняются, выглядят как обычная жизнь. Никакого счастья.

Шли к Кропоткинской. Даже не гуляли, просто шли в одну сторону. В его сторону.

Сергей сказал, что, конечно, с его языками преподавать историю в Мухобойске неохота.

Он разговаривал с Машей как с близким другом, обсуждал свою будущую судьбу.

– Так что вот что, – заключил он, туманно глядя по сторонам, минуя Машу. – Придется нам проститься.

– А в Москве? В Москве остаться? – тоскливо ответила Маша.

– Предлагали в одной конторе, я там проходил практику, в медимпорте, там есть место, даже со стажировкой в Хандии, но они без московской прописки не берут. Им все подходит. Очень сожалели. Я знаю ханди и ирду. И английский (как на собеседовании, перечислял Сережа свои достижения). Но возьмут скорее всего Шацкина, а он знает только инглиш и френч. Но, говорят, его подучат за год... Поднатаскают... Его отец знаешь где?

– Это не есть хорошо, – ответила Маша.

– Да знаю, – тяжело ответил Сергей. – Да и в Хандию посылают только с супругой.

Тут Маша решила, как в пропасть кинулась:

– Хочешь, я поговорю с бабушкой, мы можем пожениться фиктивно, и она тебя пропишет.

Что он ответил на предложение прописки, руки и сердца?

Он сказал:

– Сложно все это.

– Да, – протянула Маша горестно. – Да... Ну хорошо. Что же.

Они дошли до Кропоткинской, и тут Сергей простился:

– У меня дела тут недалеко в одном месте.

То есть не пошел провожать и не заглянул на чашку кофе, как планировала Маша.

И не остался на ночь, как она себе представляла – и проблем с бабушкой, скандала, слез, которые она себе представляла, не будет.

– Ну пока, – сказала Маша. – А то, может быть, пойдем к нам? Бабушка такой обед приготовила! Голубцы! А потом видео посмотрим, мне такой фильм родители прислали!

– Пока не могу, – задумчиво отвечал Сергей. – Пока что не могу.

– Запиши мой телефон и приходи сегодня, мы все это обсудим.

– У меня есть твой телефон, – сказал Сергей.

– Ну, приходи. Пока.

Ночью Маша плакала. Она сама сделала Сереже предложение!

И он, похоже, отверг его.

Она начала подозревать, что у Сережи уже есть кто-то. Возможно, он хочет жениться.

А как он это сказал – «только с супругой». Дескать, с тобой свяжешься, а потом еще и ехать в Хандию, волоочь тебя как бесплатное приложение.

Тем не менее вечером следующего дня (Сергея в институте она не видела) Маша завела с бабушкой разговор:

– Скажи, а как ты отнесешься, если я собираюсь замуж?

– За кого это? – ужаснулась бабушка Нина. Она всегда предвидела все самое плохое. – За этого?

– За кого за ЭТОГО?

– Кто к тебе приходил, слушай, а то я не понимаю! Я сразу все соображаю! Кто чай у нас пил! За него?

Маша пожала плечами.

– И откуда он? – продолжала бабушка.

– С нашего курса.

– Нет, он с какого города?

Маша неохотно ответила, как будто произнесла вслух нечто непристойное.

– А-аа. Ну конечно. Слушай, а ты знаешь, что он на твоём дне рождения шуровал по всей квартире, даже ко мне в комнату без меня заглянул? Я захожу после туалета, встречаю его у себя на пороге и насмешливо так спрашиваю: «Кто вы», а он отвечает: «Будете звать меня Сережа». Хамоватый такой, спокойный.

– Ты мне не рассказывала.

– Маша! Я ничего никому не рассказываю без необходимости. Он потряс меня, моя дорогая, просто потряс своей, слушай, самоуверенностью. Я – буду звать его – Сережа! Он что, сделал тебе наконец предложение?

– Это не есть важно.

– Что не есть важно! Именно это важно! А я тебе скажу, дорогая моя, что ему нужна только прописка от тебя! Это видно сразу!

– На самом деле ничего ему не нужно, – горько сказала Маша.

– И не думай, – не обращая внимания на слова Маши, завопила бабушка. – Я его не пропишу, да и ты прописана не у меня, а у отца с матерью. Но они точно его не примут. Устроят тебе такое! Увидишь, выступят единым фронтом. Помиряются для такого случая. Недаром они квартиру заперли и тебя туда не пускают. Как чувствовали.

– Бабушка, он не собирается на мне жениться ни при какой погоде.

– И где вы будете жить? У меня – мне его не надо. Я старый, больной человек. Терпеть его присутствие в ванной и уборной! Слушать, как он харкает! Или еще чего почище какие звуки! И он тебя будет использовать буквально у меня на глазах? Спасибо! У меня зять такой. Папа твой. Футболист. Из-за которого дед в могилу сошел.

– Успокойся, бабушка. Вечно ты отца попрекаешь!

– Что успокойся, слушай! Что ты мне затыкаешь рот! И запомни, родители в свою квартиру не пустят вас. А тем более я! Поняла?

И она приготовилась заплакать. Маша отвечала так:

– Бабушка, вопрос снимается. Сережа не собирается оставаться в Москве.

– И что, ты поедешь с ним?

– Бабушка! Он меня не позовет. Я ему в природе не нужна.

– Не-ет, нужна. Я уже предчувствую, чем дело кончится. Беда, беда, ой. Вырвали бы мне заранее глаза мои несчастные! – и т. д.

10. История Алины

Эта история начинается с того, что девушка Алина, студентка МГУ, живущая в общежитии под названием «На Горах», сошлась со студентом Автандилом, познакомившись с ним на танцах.

По субботам в университете на Ленгорах смуглые студенты в общаге, в холлах на двух этажах ставили такую музыку!

Вся Москва мечтала попасть туда.

Алина не стояла ни одного танца, ее все время приглашали.

Алина была сиротой при живом отце, мать ее недавно умерла от туберкулеза, а он ушел сразу же, как только был поставлен диагноз, развелся в полном своем праве и женился на молодой сволочи, которая после смерти матери въехала на плечах отца в дом (Алина уже жила в общаге) и буквально не пускала девушку на порог, мотивируя это тем, что она «заразная».

Родной дом под Москвой, в дачном поселке, теперь был закрыт для Алины. Мало того, и все мамины вещи оказались недоступны, все имущество.

Мачеха завела свирепую собаку и спускала ее по участку.

Не с милицией же было заселяться!

Но пока существовало общежитие, Алина особенно не горевала.

Она была хорошенькая как ясный день, беленькая, стройная.

Автандил же, само собой, был как горный олень – курчавый, с прямым красивым носом, с большими карими очами и красивым ртом, все как полагается.

Мало того, когда Алина увидела Автандила, ей показалось, что она его уже знает, и довольно хорошо.

Потом уже, когда они в первый раз оказались в постели и настало утро, надо было убежать на лекции, Алина посмотрела на спящего и вдруг вспомнила: в художественном кружке, где Алина в детстве занималась лепкой, Автандил уже присутствовал в виде головы Антиноя.

Единственно что – он был коротконогий.

Ну и тоже неплохо. Мало ли, может быть, Антиной был точно таким же.

На что они жили: Автандилу присылали хорошие деньги. Его отец торговал газетами в киоске в приморском городке Потти и сдавал отдыхающим два дома, причем комнаты были с перегородками. Получалось двадцать коек. Сам с семьей (жена и дети) в летний сезон жил во дворе в каменной пристройке. А мама у Автандила была заведующей аптекой.

Автандил поступил на географический факультет неизвестно почему (сам не знал; вроде бы там работала знакомая мамы, она отдыхала у них несколько раз) – и не особенно утруждал себя образованием.

Его делами занималась как раз эта женщина из учебной части.

В зачетке Автандила даже троек не было.

Тем не менее настал момент, и Алина сказала своему любимому, что беременна и хочет, чтобы у ребеночка был папа.

Автандил не понял:

– Кто, мой папа?

– Нет. Ты. Ты папа.

– Что, не понимаю, слушай. Я папа? (Улыбнулся как ребенок.)

– Нам надо пойти в ЗАГС.

– Куда?

Алина все ему растолковала.

И тут же закатила истерику, сказав, что ее давно зовет замуж один человек...

И хоть она его не любит, но ребенку нужен папа. И она скорее всего выйдет за него замуж. А он иностранец.

– Кто, этот Мбвала? – крикнул взбешенный Авгандил. – Убью его!

Мбвала был симпатяга коричневого цвета, сын вождя своего племени, мусульманин. Он действительно обожал Алину и много раз в шутку делал ей предложение быть его младшей женой. Дома у Мбвалы в его семейном шалаше уже обитали две супруги с тремя детьми. Мбвале было семнадцать лет. Он часто показывал Алине фотографии своих детей.

– А что же мне делать! – продолжала Алина. – Ты ведь не хочешь на мне жениться!

– Хочу, дорогая моя!

Но имелось препятствие. Ему еще не исполнилось восемнадцати лет. Алине же должно было стукнуть двадцать один.

Авгандилу для женитьбы следовало получить, как несовершеннолетнему, разрешение родителей. Он тут же написал маме с папой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.